

АНТОН РУБИНШТЕЙН

Исполнилось 125 лет со дня рождения и 60 лет со дня смерти Антона Рубинштейна. Рубинштейн, являясь наряду с Листом величайшим пианистом мира, в то же время был выдающимся музыкальным деятелем и гениальным композитором.

Жизнь Рубинштейна была, по очень верному замечанию Куприна, жизнью триумфатора и мученика. Уже в 1839 году, когда Антону Рубинштейну минуло всего 10 лет, об одном из концертов «дитяти-артиста» писалось: «Все игранное молодым Рубинштейном было выполнено с удивительным, можно сказать, искусством, удивительным потому, что миниатюрный артист побеждает своим искусством физические затруднения, налагаемые его летам: крошечные пальчики, перебегая с чрезвычайной ловкостью по клавишам, вызывают звуки чистые, прекрасные, слабая маленькая ручка старается придавать этим звукам надлежащую силу, и, что всего замечательнее, он вникает в идею композитора, постигает и передает ее ясно, выразительно и с возможной точностью...».

При этом нельзя упускать из виду, что, как писал впоследствии сам Рубинштейн, мальчик смотрел на свои концерты «как на игрушку, как на забаву, т. е. относился к ним как ребенок, которым и был». Но это был ребенок, игрой которого восхищался первый пианист мира Франц Лист, ребенок, которому играл свои еще не опубликованные произведения великий Шопен. «Богам» тогдашнего музыкального Олимпа маленький русский пианист был принят, как равный.

Трудно поверить тому, что основатель первой русской консерватории, пламенный пропагандист высшего музыкального образования в России Антон Григорьевич Рубинштейн... не учился ни в одной музыкальной школе и вообще не получил «академического» образования. «С 13 лет от рождения я был уже сам своим учителем», — писал впоследствии Рубинштейн. И это была истина. Только в детстве, с 8 до 13 лет, Рубинштейн занимался с московским педагогом А. И. Виллуаном, одним из тех ратоборцев музыкально-педагогического дела, в руках которых самое преподавание музыки становилось искусством.

Рубинштейн не получил никакой школьной академической выучки, но он никогда не переставал совершенствоваться, никогда не прекращал без усталости работать над собой, жадно приобретать знания. Блеск ранней славы не ослепил молодого музыканта. Шестнадцати лет от роду, обладатель уже довольно громкого артистического имени, А. Рубинштейн едет учиться в Вену, город Моцарта и Бетховена. В этой пышной и богатой австрийской столице он влачит полуголодное существование. «В Вене имел я уроки: большинство были грошовые... нередко случалось, что дня по два, по три я не имел чем заплатить за обед», — сообщает Рубинштейн в автобиографии.

Нелегко дать исчерпывающий

творческий портрет Антона Рубинштейна. Но, пожалуй, лучше всего раскрывают его облик слова Петра Ильича Чайковского: «Я обожал в нем не только великого пианиста, великого композитора, но также человека редкого благородства, откровенного, честно-го, великодушного, чуждого низким чувствам и пошлости, с умом ясным и с бесконечной добротой — словом, человека, парящего высоко над общим уровнем человечества... Я покинул консерваторию, полный благодарности и безграничного удивления к моему профессору».

кие жемчужины хорового письма, как знаменитая «Ноченька» или женский хор «Ходим мы к Арагве светлой!» Можно ли не восхищаться великолепной картиной шествия каравана, страстной лезгинкой! Можно ли оставаться равнодушным к благоуханно нежной лирике партии Тамары или мужественной красоте превосходно написанных, классических образцов вокального письма в партиях Демона, молодого князя Синодала! Рубинштейн как великий музыкальный колорист весь сказан в «Демоне», и именно здесь он всего ближе стоит к класси-

Третий (соль-мажор) и Четвертый (ре-минор) являются классическими. Полная ослепительного, виртуозного блеска фантазия «Русская и трепак», блестящий концертный «Вальс-каприз», баркароллы, цикл «Петербургские вечера» — все это лишь незначительная часть огромного композиторского наследия, завещанного родной стране Антоном Рубинштейном.

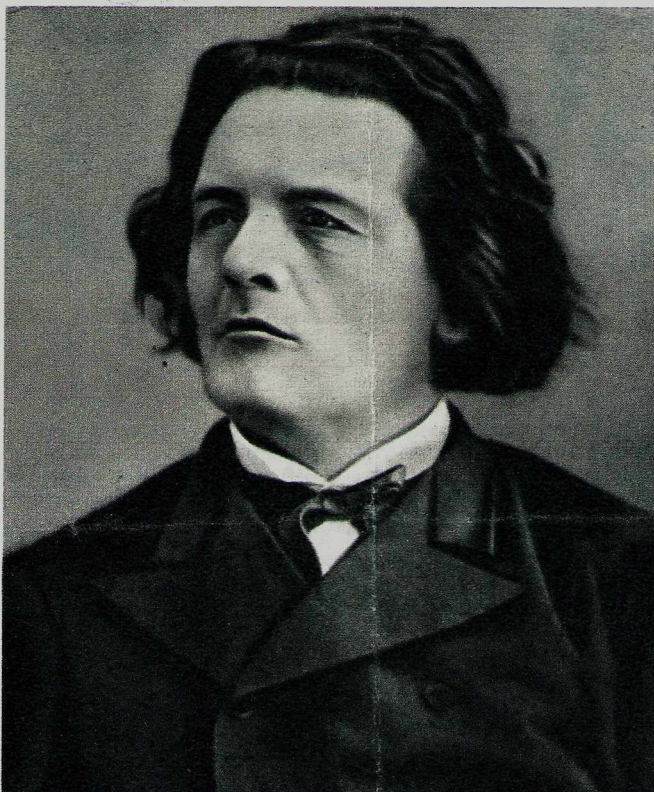
Как знать? Быть может, если бы концертно-исполнительская, а частью и организаторская деятельность Рубинштейна не поглощала громадной энергии и так много сил художника, на свет появилось бы гораздо больше законченных шедевров его композиторского мастерства. Но Рубинштейн был прежде всего, как говорил о нем Стасов, «гениальнейший, глубочайший по духу и поэзии изумительнейший пианист...» Таковы же свидетельства его слушателей — а среди них были чуть ли не все великие музыканты прошлого столетия, по крайней мере второй половины века. И, что всего более знаменательно, в оценке игры Рубинштейна разногласий не было. Величие этого артиста безоговорочно признавали даже самые яростные противники его как композитора и общественного деятеля, представители самых различных, нередко враждебных идейно-эстетических направлений.

Нам невольно передается волнение слушателей, когда мы читаем рассказ Стасова о том, как Рубинштейн играл Сонату quasi una fantasia Бетховена. «Вся зала замерла, — вспоминает Стасов, — наступила секунда молчания, Рубинштейн собирался, раздумывал — ни один из присутствующих не дышал даже, словно все разом умерли... И тут понеслись вдруг тихие, важные звуки, точно из каких-то незримых душевных глубин, издали, издали. Одни были печальные, полные бесконечной грусти, другие задумчивые, теснящиеся воспоминания, предчувствия страшных ожиданий. Что тут играл Рубинштейн, то с собою унес в гроб и могилу, и никто, может быть, никогда уже не услышит тонов души, этих потрясающих звуков...» Так великий русский артист открывал слушателю «святыню святых» Бетховена, и так же раскрывал он бездонные глубины творчества Баха и красоты музыки Моцарта, Шопена, Шумана, да и всех других, кто составляет славу и гордость мирового музыкального искусства.

Рубинштейн является создателем нового, русского стиля исполнительского искусства, строгого в своей страстной человечности, в котором не может быть места виртуозному трюкачеству, тому, что Гейне причислял к «области фокусничества, умения глотать сабли, искусства ходить по канату и танцевать на яйцах».

Антон Рубинштейн, величайший русский пианист, композитор, организатор высшего музыкального образования в России, самоотверженно любил родную страну и родное искусство и служил ему всю жизнь, до последнего вздоха.

В. ГОРОДИНСКИЙ

А. Г. РУБИНШТЕЙН.

«Безграничное удивление» — эти слова Чайковского очень точно выражают то чувство, которое испытывали по отношению к Рубинштейну современники и испытываем мы, его потомки, испытываем тем сильнее, чем полнее и глубже изучаем его творчество — исполнительское и композиторское.

Среди огромного количества произведений, составляющих композиторское наследие Рубинштейна, есть немало и далеких от совершенства, иной раз даже слабых, эскизных сочинений. Но создатель «Демона» уже по одному этому сочинению должен быть признан великим художником: не случайно эта опера вошла в золотой фонд русского оперного театра и вот уже более семидесяти лет не сходит с репертуара. Неисчерпаемые мелодические богатства «Демона», дивные поэтические красоты, поднимающиеся временами до уровня лермонтовской поэзии, делают эту оперу одним из драгоценнейших шедевров мировой оперной литературы. Можно ли не любить та-

ческим традициям русского национального оперного творчества.

Но и в симфоническом наследии Антона Рубинштейна есть немало замечательного. Бородин недаром указывал, что в симфонической картине Рубинштейна «Иван Грозный» «очень много хорошего...» В устах творца «Князя Игоря» и Богатырской симфонии такая оценка приобретает особую вескость...

Немало гениально прекрасной музыки в так называемых «библейских» операх Рубинштейна, и в особенности в опере «Маккавей». Что же касается песенно-романсового наследия Рубинштейна, то оно составляет настоящую мелодическую сокровищницу. Из двухсот романсов Рубинштейна многие по всей справедливости могут быть поставлены в один ряд с романсами Глинки и Чайковского, Шумана и Шуберта.

Нечего и говорить о фортепианном творчестве Рубинштейна. Здесь великий композитор равен себе как великому пианисту. Пять концертов для фортепиано с оркестром, из которых, например,